

Предисловие

1917 год — уникальный в истории России. Это был разлом — гигантский и по масштабам, и по глубине. Страна трижды меняла свое название. Вступив в тот год империей, тысячелетней монархией, Россия стала свободной. Именно так Свободная Россия без уточнения формы правления, она именовалась в сентябре 1917-го. Но уже спустя два месяца стала Российской Советской республикой.

Эта книга погружает в события 1917 года через рассказ о том, что происходило в этот переломный для нашей страны период. День за днем складывалась мозаика революции, общая картина которой восстановлена по публикациям в прессе того времени. Вершины происходившего, хорошо видимые нам с высоты исторического полета (отречение императора, апрельские тезисы Ленина, попытка июльского переворота, провальное наступление русских войск на фронте, Корниловский мятеж, октябрьское вооруженное восстание), вписаны в будничные ход жизни.

В самом деле, участники и очевидцы тех событий скорее всего удивились бы, услышав от нас спустя сто лет, что они были творцами истории. Активных участников публичной политики, людей действия всегда меньше, чем той массы покоя, которая обычно уберегает от перемен. Но масса эта в критические моменты может раствориться. Так в конце зимы 1917 года обнаружилось, что в России практически нет монархистов. Все так или иначе недовольны царем, его окружением и связями. Прологом революции стало убийство Григория Распутина, совершенное отнюдь не революционерами. Просто недовольные Николаем II делились

на две категории: одни действовали под лозунгом «чем хуже, тем лучше», круши всё до основания, а другие, как князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович, пытались это сползание «куда хуже» остановить. Не получилось.

Вообще, удивительно, насколько в российском обществе, и в верхах, в императорской фамилии, и в средних слоях, среди интеллигенции, в начале 1917-го были сильны убеждения, что из царского дворца в Берлин протянут секретный телефонный провод, по которому немка-императрица сообщает кайзеру о планах русского военного командования. Это к тому, что потом возникнет довольно стройная версия, что император стал жертвой заговора генералов русской армии. Они для начала договорились убрать Николая, а потом только за дело взялись Шульгин и компания — думские деятели, которые привезли императору текст отречения.

Правда в том, что Февральскую революцию никто не готовил, это общее для всех партийных лидеров мнение. Но приветствовали ее многие, если не все. Великие князья ходили с алыми бантами на шинелях и кителях. В тот момент казалось, что всё, что только может быть связано со словом «революция», свершилось. Но получилось, что это было только начало процесса. Сдвинутая с места масса покоя начала свое движение...

Нет нужды пересказывать все этапы этого «движения» — собственно они-то и есть содержание этой книги. Появление Временного правительства, блистательное восхождение Керенского — «калифа на час». Любопытно, какой урок извлек для себя Керенский, проживший долгую жизнь в эмиграции. Как-то он сказал, что если бы в 1917 году существовало телевидение, он смог бы удержаться на посту премьера. Это к вопросу о роли пиара в «деле революции». Вообще, события 1917 года позволяют провести множество параллелей как с предыдущей, так и с после-

Предисловие

дующей историей. Самое расхожее сравнение — с Великой французской революцией. И в публицистике, и в аналитике 1917 года такие сравнения встречаются на каждом шагу. Они доказывают, что люди пытались друг друга вразумить по ходу пьесы, и масса покоя до поры до времени позволяла это делать.

Автор не ставил перед собой цель утверждать чью-либо правду или, наоборот, опровергать чьи-то взгляды. Все мнения и аргументы даны в книге от первого лица. Свою задачу автор видел в том, чтобы максимально представить разные взгляды, точки зрения или, как это ни странно покажется, их отсутствие. Потому что непонимание того, что происходит и чем может обернуться для страны, — это общая примета 1917 года.

Каждая заметка, приведенная в книге, сиюминутна, даже если речь идет о воспоминаниях, написанных годы спустя. Задача состояла в том, чтобы показать круговорот событий, затронуть все значимые аспекты, начиная от настроений тех, кто мог влиять на происходящее. Например, императрица Александра Федоровна писала мужу накануне отречения что-то такое надрывное, в стиле «пока ты не подписал какой-нибудь подсунутой тебе бумаги, подумай о детях, подумай обо мне». И заканчивая бытовыми деталями: в городах России летом 1917-го перестали убирать улицы. Дворники постоянно митинговали, требуя повышения зарплаты. В этой будничной детали, как представляется, отражается все противоречия жизни.

Читать эту книгу можно последовательно, действительно «день за днем», а можно обращаться к ее содержанию выборочно, имея в виду конкретное событие, такое как попытка большевиков захватить власть в начале июля 1917 или Корниловский мятеж. В этой книге нет обобщений и выводов, тем более что заканчивается она событием, после которого все процессы продолжились, только на новом витке. Поэтому и продолжение, надеемся, последует...

ЯНВАРЬ

Суровые морозы, температура под минус сорок. Кажется, все застыло в ожидании перемен. Напряжение во многом определяет шок, вызванный убийством Григория Распутина. Продолжается министерская чехарда. Штурмера на посту премьера сменяет Трепов, на смену ему — князь Голицын. Надежды на изменение Николаем II политического курса не оправдываются. В императорской фамилии созрела фронда. Коллективное письмо членов дома Романовых с призывом-угрозой «Ники, уходи». В армии и в обществе на ура принимают великого князя Дмитрия Павловича, участника убийства Распутина. На германском фронте последнее удачное наступление русской армии под Митавой. Царская полиция преследует активистов легальной проправительственной организации — Военно-промышленного комитета. Кризис отношений между царским правительством и представителями финансово-промышленной олигархии. Все фракции Думы практически находятся в оппозиции царскому режиму.

Международная конференция представителей стран Антанты в Петрограде. Последняя попытка союзников повлиять на ухудшающуюся политическую и экономическую ситуацию в России. Англия и Франция дают согласие на включение Константинополя (Стамбула) в состав Российской империи после победоносного окончания Первой мировой войны. Николай II решительно отвергает все попытки повлиять на его решения.

16.01

В этот день в 1917 году в России было 3 января. Страна жила по старому юлианскому календарю, расхождение с теперешним, григорианским, составляло 13 дней. Однако Новый год праздновали по старой привычке 14 января. Но влияние общепринятого в мире григорианского календаря ощущалось повсеместно. Газеты выходили с указанием двойной, через дробь, даты, в данном случае — 3/16, в деловой переписке, в письмах делали такие же уточняющие пометки.

Старой привычке исчисления времени следовал и французский посол в Петрограде Морис Палеолог, который в тот день писал: *«Сегодня третий день нового года по православному календарю. Император принимает в Царском Селе поздравления от дипкорпуса. На дворе жестокий холод — минус 38 градусов. Лошади, ожидающие нас перед вокзалом, обледенели. До самого дворца не различишь ничего из пейзажа — все покрыто дымкой, пеленой инея»*. Что ж, пока дипломат едет на прием, как прелюдию к событиям 17-го года приведем то, что он писал в своем дневнике в начале той зимы, в ноябре 16-го: *«...забастовали все заводы Петрограда. Ко мне на аудиенцию записался директор автомобильной фабрики “Луи Рено”, что на Выборгской стороне. Вы знаете, — заявил он, — что наши рабочие не принимают участия во всеобщей стачке. Но бастующие других предприятий окружили наш завод, крича “Долой французов. Довольно воевать”. Наши люди вышли к ним для разговора. Но им ответили градом камней и револьверными выстрелами. Один русский инженер и три француза-менеджера ранены. Подроспевшая полиция быстро убедилась в своем бессилии. И тогда городовые вызвали из близстоящих казарм два пехотных полка.*

Но солдаты вместо того, чтобы выручать завод, стали стрелять по полицейским. — По полицейским? — ошарашенно переспросил Палеолог. — Да. Упало много городских и жандармов, началась свалка. В конце концов, послышался кавалерийский галоп, подошли сотни четыре казаков, которые налетели на пехотинцев-солдат и ударами пик загнали их обратно в казармы. Теперь порядок восстановлен». Какой, спрашивается, порядок? Это же ЧП из ряда вон! Прекрасно понимая это, Морис Палеолог тут же поехал к председателю Совета министров России Штюрмеру и взволнованно рассказал ему о происходящем. И что же последовало в ответ? «Штюрмер начал доказывать мне, что это эпизод, не имеющий значения, что ему уже обо всем доложили, меры для защиты завода Рено приняты. “Но ведь дело в другом — у вас войска стреляют по полицейским”. — “Да, да, — словно отмахиваясь, отвечает Штюрмер, — это важно, и репрессия будет беспощадна”».

Репрессия последовала, и, казалось бы, самая радикальная. В ноябре 16-го в отставку был отправлен сам премьер-министр. Монархисты, сторонники продолжения войны и союзники по Антанте ликовали. Наконец-то Николай II решился убрать человека, про которого только ленивый не говорил, что тот — немецкий шпион, слушает лишь Гришку Распутина и других интриганов типа фрейлины Вырубовой. Однако сменивший Бориса Штюрмера Александр Трепов пробыл на посту премьера всего полтора месяца. Сразу после убийства Распутина император под давлением своей супруги снял этого силовика, сторонника жестких мер, и назначил премьером Николая Голицына, фигуру бездеятельную, проще говоря, никакую. Все расценили это как реванш прогерманской партии при дворе, взятый ею именно за убийство Рас-

путина. Это означало, что вокруг царя продолжают плестись интриги, а страна продолжает сползать в неизвестность. Вот такой была новогодняя картинка 1917 года. Жуткий мороз, все застыло и заледенело, и вокруг витает стойкое ощущение грядущей катастрофы.

17.01

В этот день — 4 января 1917 года по старому стилю — несмотря на новогодние праздники по православному календарю, император Николай II отправил в ссылку, правда в собственное имение Грушевку, своего дядю Николая Михайловича, внука императора Николая I. Николай Михайлович, который считался вдохновителем «великокняжеской фронды» — так современники называли членов императорской фамилии, выступавших за отстранение Николая II от власти, — был организатором и вдохновителем беспримерной в истории монархической России акции. Накануне Нового года члены императорской фамилии собрались во дворце великой княгини Марии Павловны, где составили и подписали коллективное письмо, в котором требовали простить князя Дмитрия Павловича, непосредственно замешанного в убийстве Григория Распутина. Они выразили при этом тревогу за дальнейшую судьбу России и императорского трона в случае, если внутренняя политика Его Величества будет продолжена. По сути, это был ультиматум. Николай II вроде бы дал на него уничтожающе отрицательный ответ: *«Никому не дано права убивать. Я знаю, что у многих совесть не чиста, так как не*

один Дмитрий Павлович замешан. Я удивляюсь вашему обращению ко мне». Да, слова «никому не дано права убивать» станут общеизвестными, но фактически останутся словами. Потому что князь Дмитрий Павлович и даже непосредственный исполнитель преступления Феликс Юсупов избегают наказания. Вскоре после ареста, который был произведен по настоянию императрицы Александры Федоровны, слепо доверявшей Распутину и жутко переживавшей его кончину, великого князя отправят на фронт — в Персию, назначив командующим закавказским корпусом. Феликс Юсупов как негодный к строевой службе отправится в свое подмосковное имение. Не говоря уже о дяде царя, Николае Михайловиче.

Итак, налицо классика жанра — и нашим, и вашим. Поразительная нерешительность царя на фоне, казалось бы, его однозначно жестких заявлений.

Впрочем, наблюдатели-современники тогда отмечали иное. Убийство Распутина, вызванное патриотическими мотивами и осуществленное во имя подтверждения твердой власти императора, оказалось фатальной ошибкой. Действовать твердо и непреклонно начала императрица, прочно утратившая к тому времени репутацию и доверие в глазах российского общественного мнения. Царицу считали откровенным и неприкрытым агентом Берлина, по сути, врагом Российского государства. А император в очередной раз оказался заложником ситуации. На самом деле Николай был не прочь избавиться от присутствия Распутина при дворе, но обстоятельства, в которых это произошло, сделали невозможными никакие маневры в сторону поиска политического согласия, примирения. Между тем *«...революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том,*

придет ли она сверху или наступит снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто, за обедами, во время приемов, вслух спорили, будут ли убиты и император, и императрица или только последняя». Проблема заключалась в том, что правительство, кабинет министров, назначаемых лично императором, не имел никакого взаимопонимания и поддержки со стороны Думы, все фракции которой, от левых до правых, по сути, перешли в оппозицию монарху.

18.01

В этот день — 5 января по старому стилю — одна из крупнейших газет России «Русское слово» поместила на первой полосе сообщение, краткое и, казалось бы, несущественное: *«Прибыла в Киев и будет иметь здесь пребывание ее императорское высочество великая княгиня Мария Павловна-младшая»*. Казалось бы, и что с того? Но современники событий легко прочли между строк — отправлена в ссылку очередная опальная персона, 27-летняя внучка Александра II, а стало быть, двоюродная сестра, кузина императора Николая II, одна из активных участниц «великокняжеской фронды», сестра князя Дмитрия Павловича, который был непосредственно причастен к убийству Распутина. Потом княгиня напишет интересные воспоминания, в которых этот сюжет подается так: *«Дмитрий вернулся из дворца, бросил фуражку на диван, стал ходить по комнате. — Я получил приказ уехать на персидский фронт в сопровождении адъютанта императора, которому поручили следить за мной. Феликса (речь о Юсупове. — А. С.) отправляют в ссылку в его курское*

поместье. Дело было не в наказании — продолжает Мария Павловна, — оно на первый взгляд казалось очень мягким, а в том, что вся Россия ждала реакции двора на смерть Распутина и задавалась вопросом, каким будет отношение к его убийцам. Теперь она получила ответ. Но не станет ли он последней каплей, не выпустит ли на свободу все темные страсти, не разрушит ли все барьеры?» Итак, великая княгиня напрямую связывает вполне резонное преследование убийц как отказ от перемены политической линии, отказ от реформ и перемен, которых жаждут все, как говорится — и во дворцах, и в хижинах. Да, понимание момента было именно такое: *«Безмерная преданность императрицы памяти Распутина подтверждает слухи о его влиянии и демонстрирует беспомощную пассивность императора. К чувству страха за любимого брата у меня примешивается острое ощущение катастрофы, предчувствие непоправимой и неминуемой беды. В Москве, например, царит нервное возбуждение, москвичи, считая брата Дмитрия своим земляком, похваляются его подвигом. Его с распростертыми объятиями встречают на погранзаставе и в штабе закавказского фронта. Кстати, местные офицеры тут же схватили и отправили назад в столицу нескольких распутинских прихвостней, которые следовали за великим князем, желая отомстить за смерть своего могущественного покровителя. К сожалению, смерть Распутина ничуть не изменила умонастроение императорского двора. Революция витает в воздухе».* Итак, в стране неспокойно. Ухудшается и криминальная обстановка. Вот, к примеру, заметка в четвертом номере «Русского слова», помещенная рядом с информацией о великой княгине: *«В Харькове по делу об ограблении двух с половиной миллионов из банка взаимного*

кредита арестовано 15 профессионалов-громил. Вся “банда” — беженцы из Варшавы и других городов западного края, занятого теперь немецкими войсками. Профессионалы-кассоломы обладали отлично усовершенствованными механизмами для взлома касс, а также средствами. Подготовка к ограблению банка обошлась им в 20 тысяч рублей. 8 тысяч было истрачено на поддержание шайки, 11 тысяч на приобретение машин и оборудования для взлома». Для справки: средняя зарплата рабочего в начале 17-го года была около 25 рублей в месяц, а жалование офицера — поручика, капитана — 100 рублей.

19.01

В этот день — 6 января по старому стилю — в Генеральном штабе подвели итоги наступления русской армии в Прибалтике. Не будем забывать, Первая мировая продолжалась, число среднесуточных потерь всех воюющих сторон шло на тысячи человеческих жизней. Между тем о военных действиях накануне Февральской революции мало вспоминают. И это странно хотя бы потому, что именно в тот момент были достигнуты определенные обнадеживающие результаты. Речь идет о так называемой Митавской операции. Митава — ныне город Елгава в Латвии — была форпостом обороны, ближайшим к Риге, стратегическому месту, на которое были нацелены тогда немецкие войска. Наша 12-я армия под командованием генерала Радко-Дмитриева численностью в сорок тысяч человек внезапно, после короткой артподготовки, перешла в наступление. Бои происходили в ужасных климатических условиях: мороз, снежная пурга. Кроме того,

уже начали появляться первые признаки разложения армии: нарушение дисциплины, ослабление порядка, отсутствие боевой слаженности. Так, командование не смогло вовремя ввести резервы в месте прорванной обороны противника. Несмотря на это, передовые немецкие позиции были взяты на всем участке наступления, угроза захвата немцами Риги на тот момент была ликвидирована.

Любопытно, что в Митавской операции принимали участие соединения, которые потом станут известны как дивизии латышских стрелков. Они перейдут на сторону советской власти и станут серьезной опорой большевиков. В январе 17-го всего за шесть дней наступления эти части потеряли две тысячи человек убитыми и шесть тысяч ранеными.

Об этом сражении упоминает писатель Алексей Толстой в своем знаменитом романе «Хождение по мукам»: *«Вместе с первыми залпами орудий поднялась снежная буря. Солдаты двигались в глубоком снегу, среди воя метели и пламени ураганом рвущихся снарядов. Десятки аэропланов, вылетевших в бой на подмогу наступающим частям, ветром прибивало к земле, и они во мгле снежной бури косили из пулеметов и врагов и своих. В последний раз Россия пыталась разорвать сдавившее ее железное кольцо, в последний раз русские мужики, одетые в белые саваны, дрались за империю, за самодержавие, некогда построившее землю и грозное всему миру»*. Да, это было последнее наступление русской армии в Первой мировой при Николае Втором. Кроме того, в мировую историю войн эта операция вошла как первая, в которой наступление пехоты активно поддерживала авиация, действующая на бреющем полете или пикирующая на позиции противника. Как мы уже отметили, в ходе сражения впервые были зафиксированы слу-

чаи массового дезертирства, антивоенная агитация в окопах. 92 солдата были преданы военно-полевому суду и казнены, сотни отправлены на каторгу.

Два слова о судьбе командующего 12-й армией. Генерал Радко-Дмитриев, болгарин по национальности, в ноябре 1918 года будет арестован в Кисловодске сотрудниками пятигорской ЧК и без суда и следствия убит — зарублен саблями. Та же участь постигнет и командовавшего в январе 17-го года Северным фронтом генерала Ружского.

20.01

В этот день — 7 января 1917 года по старому стилю — в Москве по приказу министра внутренних дел Протопопова была арестована рабочая группа московского Военно-промышленного комитета — ВПК. Не зная реалий того времени, можно подумать, что речь идет о преследовании каких-то радикалов, революционеров, может быть. Эта рабочая группа была подпольной? Нет и еще раз нет. Это была вполне легальная структура — Военно-промышленный комитет являлся общественной организацией, в которую, с одной стороны, входили фабриканты, заводчики, с другой — представители рабочих, профсоюзные активисты, а также политики. Инициатива создания ВПК принадлежала думским фракциям, причем главную роль в той, четвертой по счету Государственной думе, играл Прогрессивный блок, возглавляемый партией октябристов, то есть промышленников и капиталистов. ВПК был совершенно необходимой в условиях военного времени общественной площадкой для обсуждения и согласования